

В последнее время мне доводится работать с архивными документами, которые связаны с рождением и развитием Атомного проекта СССР. Все они носят гриф «совершенно секретно», так как в недалеком прошлом все, что было связано с ядерным оружием, являлось государственной тайной № 1. О некоторых страницах истории я и решил рассказать. Есть один миф Атомного проекта, о котором написано не только многочисленными статьями, но и книгами. Я имею в виду письмо лейтенанта Г.Н. Флерова Сталину, в котором он якобы утверждает, что на Западе начинается создаваться атомная бомба огромной раз-

рушительной силы, необходимо этим заняться и нам. Сталин прочитал письмо лейтенанта и отдал распоряжение немедленно продолжить работы по урану, которые были прерваны войной. И поручил это дело И.В. Курчатову. Так гласит легенда. На самом деле все было иначе. Работы по атомной проблеме возобновились после информации, полученной разведчиками в Англии, а развернулись по-настоящему только после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. А вот что касается лейтенанта Георгия Флерова...

1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЛЕРОВА

В конце 1941 года призванный в армию физик учился на курсах при Военно-воздушной академии в Йошкар-Оле. Ему удалось уговорить командование отпустить его в Казань, где находился в то время Ленинградский физико-технический институт. Там Флеров выступил с докладом, в котором предложил начать работу над атомной бомбой. К сожалению, коллеги не оценили его доклад по достоинству, и предложение Флерова принято не было. После семинара он написал письмо И.В. Курчатову, которого тогда в Казани не было. В этом письме Флеров нарисовал схему атомной бомбы. Это был железный ствол длиной 5-10 метров, в который с большой скоростью вдвигалась сферическая сборка. Г.Н. Флеров писал:

«Для того чтобы реакция началась, необходимо, чтобы урановая бомба была бы быстро вдвинута в ствол... и при первом же шальном нейтроне (космическом или земном) начнет развиваться лавина, в результате чего бомба взорвется».

Через два года, оценивая материалы, полученные разведкой, И.В. Курчатов отметил:

«Уран должен быть разделен на две части, которые в момент взрыва должны с большой относительной скоростью быть сближены друг с другом. Этот способ приведения урановой бомбы в действие рассматривается в материале и для советских физиков также не является новым. Аналогичный прием был предложен нашим физиком Г.Н. Флеровым; им была рассчитана необходимая скорость сближения обеих половин бомбы, причем полученные результаты хорошо согласуются с приведенными материалами...»

Увы, эта оценка схемы, предложенной Флеровым, прозвучит лишь через два года, а пока идет трагический 41-й...

Лейтенант Флеров в декабре 1941 года обращается в Государственный комитет обороны, откуда его письмо пересылают С.В. Кафтанову, председателю Комитета по высшей школе при Совете народных комиссаров, которому было поручено координировать предложения ученых по новым типам вооружения. В конце своего обращения Флеров подчеркивает:

«История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях, нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия. И сейчас единственное, чем мы можем искупить свою ошибку (полугодие безделье), - это возобновление работ и проведение их в еще большем масштабе, чем было до войны».

Кафтанов не мог не прислушаться к мнению ученого, о работах которого он знал. Да и информация от разведчиков у него уже была. Он консультируется с А.Ф. Иоффе, который рекомендует информировать о ситуации высшее руководство страны.

28 сентября 1942 года А.Ф. Иоффе по распоряжению ГКО назначается ответственным за возобновление работы по урану. Однако он настаивает, чтобы во главе был поставлен И.В. Курчатов. 11 февраля 1943 года выходит новое распоряжение ГКО, в котором записано: «Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И.В.»

Игорь Васильевич прекрасно знал всех, кто занимался до войны ядром. Он начал привлекать к Атомному проекту наиболее талантливых физиков. Естественно, одним из первых он призвал Г.Н. Флерова. Вместе с К.А. Петражом

Флеров в канун войны проводил серию уникальных экспериментов по спонтанному делению ядер. Эти работы сегодня являются хрестоматийными, но в то время оценить их могли только специалисты.

17 февраля 1942 года Флеров пишет Игорю Васильевичу:

«Засыпал Вас письмами. Их количество - показатель мой не слишком большой занятости, сумбурное же содержание показывает, что все еще серьезно отношусь к своей прежней научной «деятельности», считая свою работу сейчас временным и не слишком целесообразным явлением...»

Я недавно посылал письмо т. Кафтанову - просил разрешить нам заниматься ураном... Конечно, еще далеко не ясно, получится у нас что-нибудь или нет,

2. ПОЛИГОН... В СОФРИНЕ?

Не исключено, что одно из знаменитых дачных мест под Москвой могло бы превратиться в очень закрытую зону, огороженную двумя рядами колючей проволоки и тщательно охраняемую. Здесь мог появиться ядерный центр.

Почему выбор пал на полигон в Софрине?

Во-первых, все решения надо было принимать стремительно - ведь шел уже декабрь 1945 года, а бомбу требовал Сталин максимум через год-полтора. Во-вторых, авторы письма были убеждены, что Софрину идеально подходит для создания КБ-5 - так называли они центр по

ков направляет новое письмо Л.П. Берия. В нем, в частности, сообщается:

«В соответствии с указаниями на заседании Специального комитета комиссия подобрала, как наиболее отвечающую этим данным, для лаборатории и экспериментальных мастерских завод № 550 НКБ.

Завод № 550 НКБ размещается в бывшем Саровском монастыре Мордовской АССР, в 75 километрах от ст. Шатки, на юго-восток от г. Арзамас...

Вокруг завода на расстоянии 75 км лесные заповедники.

Населенные пункты редкие, от железной дороги и от крупных населенных пунктов завод удален, и ближайшие деревни находятся на расстоянии 12 км.

Ввиду того, что из-за снежных заносов в настоящее время выехать комис-

КАК РОЖДАЛАСЬ А-БОМБА

но работать, во всяком случае, необходимо».

Курчатов добивается, чтобы Комиссия при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва (а только она в годы войны освобождала от службы в действующей армии) отозвала Г.Н. Флерова с фронта. Это было сделано. Однако отсрочка ученому давалась только на 1942 год.

В одном из своих писем Флеров довольно резко высказывается об академике Иоффе, считая, что именно он повинен в приостановке работ по урану. Абрам Федорович знает об этом, но по просьбе Курчатова как вице-президент АН СССР обращается к С.В. Кафтанову: «...Г.Н. Флеров (выдвинутый в 1940 году кандидатом на премию имени Сталина) является одним из наиболее осведомленных, инициативных и талантливых работников по проблеме урана в СССР. Я считаю поэтому необходимой демобилизацию его и привлечение к разработке специальных научных вопросов и, в частности, проблемы урана в СССР».

И как приложение вице-президент посылает расчеты Флерова по урановой бомбе.

Это обращение играет решающую роль: Флеров приступает к работе по «Урановому проекту». Он направлен в Ленинград, чтобы подготовить к отправке в Москву материалы и оборудование из ЛФТИ. Там ученый неожиданно заболевает. Курчатов очень встревожен, о чем свидетельствует его письмо Кафтанову:

«Сообщаю Вам, что 23 декабря 1942 г. в Казани на имя академика Иоффе А.Ф. получена из Ленинграда от 10 декабря 1942 г. телеграмма о том, что Флеров Г.Н. серьезно болен. Положение его, по полученным сведениям, весьма тяжелое. Необходимо Ваше личное срочное вмешательство... Ваша телеграмма т. Жданову или т. Кузнецову в Ленинград с просьбой оказать быструю и эффективную помощь т. Флерову имела бы решающее значение...»

Будущий академик Г.Н. Флеров был спасен.

Заканчивался 1942 год. Он стал переломным в истории Атомного проекта СССР: работы по урановой проблеме, приостановленные с нападением фашистской Германии, возобновились. О том, что в Америке разворачивается «Манхэттенский проект», еще известно не было...

созданию атомных бомб.

Свою позицию они аргументировали так:

«В настоящее время должна быть полностью развернута работа по конструированию, изготовлению и подготовке испытательных изделий.

Работа включает в себя собственно конструирование, исследование элементов и узлов объекта, разработку и проверку аппаратуры для испытаний образцов, а также расчетную и экспериментальную работу».

Для постановки указанных работ нужна экспериментальная и производственная база с экспериментальными мастерскими и опытным участком, обеспечивающим возможность применения опытов с подрывом до 1 тонны взрывчатки типа тротила...

Испытания готового изделия под Москвой не предусматриваются. Для этой цели будет подготовлен участок в пустынной местности на одной из окраин страны.

Наиболее целесообразно организовать КБ на базе Софринского полигона НКБ СССР...»

Далее авторы письма обосновывали свою точку зрения: полигон находится всего в 70 километрах от Москвы; недалеко пролегает колея железной дороги, поблизости находится мощный лесной массив, способный скрыть секретные объекты; часть рабочих и специалистов может быть привлечена к работе в КБ-5. К этому письму прилагался проект постановления.

На 14 декабря 1945 года назначено заседание Специального комитета при Совнарком СССР, на котором предполагалось решить судьбу КБ-5. Вел заседание комитета его председатель Л.П. Берия. Неожиданно для многих он выступил против Софрина. Свою точку зрения он мотивировал тем, что «необходимая секретность работ не будет соблюдена».

В протоколе № 10 заседания спецкомитета было записано, что в 10-дневный срок будет выбрано новое место расположения КБ-5.

Уже 26 декабря (все распоряжения выполнялись точно в срок!) Б.Л. Ванни-

Первая советская атомная бомба (РДС-1) (на снимке внизу) и первая советская водородная бомба (РДС-6) (вторая сверху) - экспонаты музея ядерного оружия в городе Сарове Российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ

В этом постановлении говорится:

«3. Назначить: т. Зернова П.М., заместителя министра транспортного машиностроения, начальником КБ-11 с освобождением от текущей работы по министерству; проф. Харитона Ю.Б. главным конструктором КБ-11 по конструированию и изготовлению опытных реактивных двигателей».

Казалось бы, все правила секретности соблюдены: «атомная бомба - реактивный двигатель», «завод относится к министерству сельскохозяйственного машиностроения» и т.д. Но вдруг, когда речь заходит о привлечении ученых Академии наук к работам, появляется строка: «организовать в Институте химической физики АН СССР разработку теоретических вопросов ядерного взрыва и горения и вопросов применения ядерного взрыва и горения в технике».

Это неожиданное отступление от правил секретности Атомного проекта можно рассматривать как недосмотр того или иного сотрудника режима, но на самом деле причина в ином. Это был тот самый редкий случай, когда требовалось в постановлении показать ученым, чем именно не надлежит им заниматься, иначе «реактивный двигатель» они будут трактовать по-своему, а за «изделие» примут «самолет».

А возможно, сотрудники секретных служб предполагали направить шпионов по ложному следу - мол, ищите бомбу в Институте академика Н.Н. Семенова или в Министерстве сельскохозяйственного машиностроения, а не в КБ-11, находящемся где-то в Мордовии.

9 апреля 1946 года можно считать днем рождения Федерального ядерного центра России.

Что нужно для лаборатории?

11 января 1946 года Харитон готовит справку о том, что требуется для лаборатории по разработке атомных бомб.

«В работе должно принять участие не менее 100 научных работников и инженеров, из них примерно 25 физиков, 20 математиков, 10 специалистов по взрывчатым веществам, 10 приборостроителей, 5 радиотехников, 5 химиков и металлургов, 25 специалистов по различным вопросам артиллерии», - пишет Ю.Б. Харитон.

Подчас ему кажется, что он требует слишком многого. Особенно когда речь заходит о бытовых условиях. Главный конструктор пишет:

«Должно быть проведено жилищное строительство частично за счет капитального ремонта существующих зданий, частично - за счет сооружения новых. Необходимо будет разместить около 150 вновь приезжающих, частично вместе с семьями. Жилища должны быть обеспечены мебелью. Необходимо построить канализацию и расширить водопроводную сеть...»

И далее Юлий Борисович просит:

«Следует особо отметить, что специфические условия работы - удаленность от Москвы и изоляция от внешнего мира - должны компенсироваться для работников, с одной стороны, хорошей организацией работы, первоклассным лабораторным оборудованием и мощными мастерскими и, с другой стороны, улучшенными по сравнению с другими местами бытовыми и культурными условиями: хорошие и удобно оборудованные жилища, спортплощадки, библиотека и т.п. Без создания этих условий будет крайне затруднено как привлечение кадров, так и их эффективное использование».

Пройдет совсем немного времени - и города, окруженные колючей проволокой, будут называть «городами, где социализм уже построен, а сейчас заканчивается создание коммунизма», и многие тысячи жителей окружающих сел и деревень будут с завистью (а подчас и с ненавистью) смотреть, как живут люди за колючей проволокой. Им будет казаться, что там созданы райские условия. Впрочем, во многом они правы: в голодной, разрушенной войной стране, во время страшного голода на Украине в закрытых атомных городах люди особо не нуждались - они имели все необходимое для работы и жизни.

Что же касается специалистов для создания оружия, то сотней, о которых просил главный конструктор, не обошлось.

Современный Федеральный ядерный центр, родившийся из КБ-11, превратился в крупный научно-исследовательский институт, в котором работает несколько тысяч человек. Саров - это теперь крупный город. Правда, до сих пор он окружен колючей проволокой...

Владимир ГУБАРЕВ